

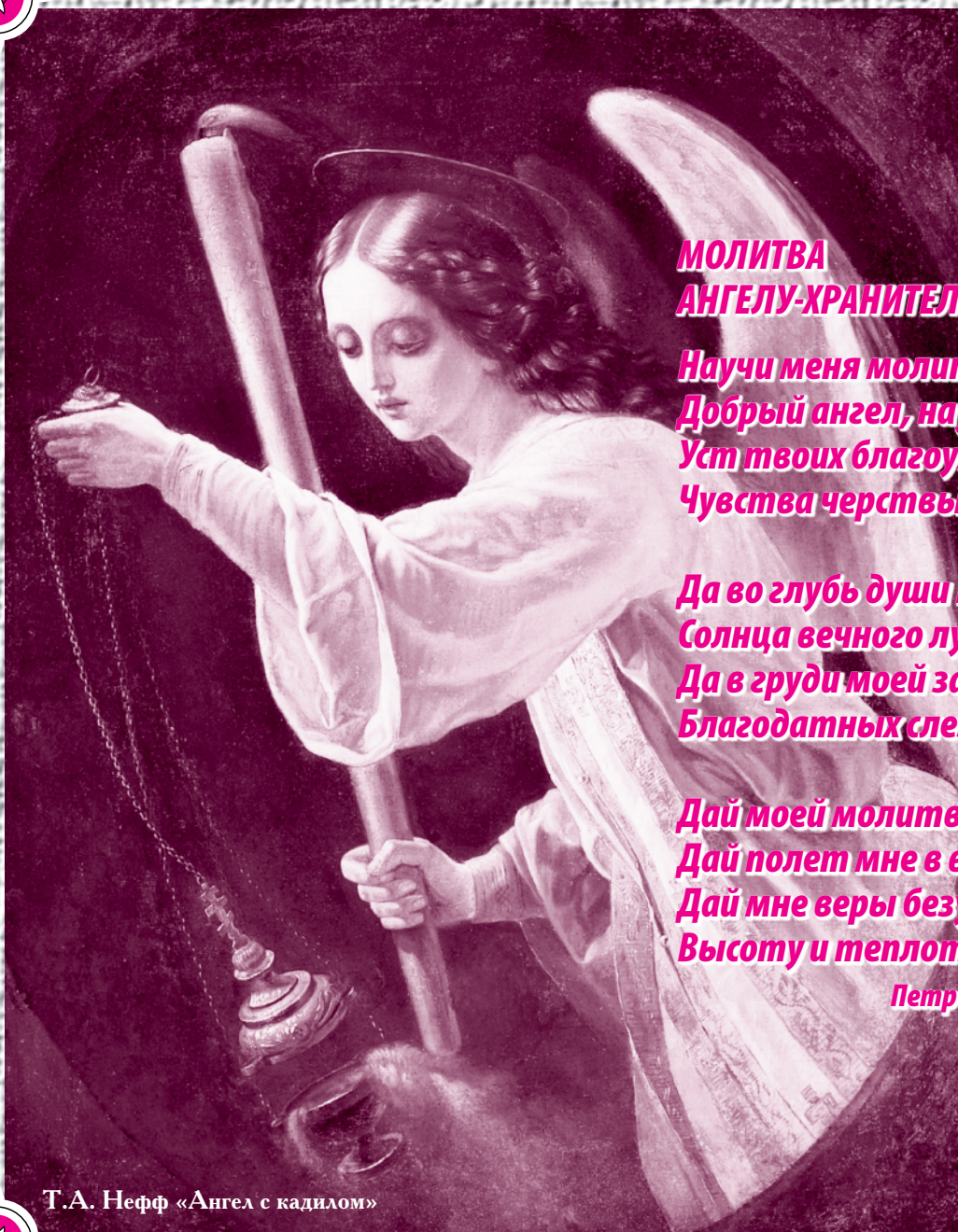
№ 10 (203)
октябрь

2013

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Сергия, епископа Барнаульского и Алтайского

МОЛИТВА АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ

Научи меня молиться,
Добрый ангел, научи:
Уст твоих благоуханьем
Чувства черствые смягчи!

Да во глубь души проникнут
Солнца вечного лучи,
Да в груди моей забьются
Благодатных слез ключи!

Дай моей молитве крылья,
Дай полет мне в высоту,
Дай мне веры безусловной
Высоту и теплоту!

Петр Вяземский

Т.А. Нефф «Ангел с кадилом»

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТИЯ

Воля наша, в состоянии падения, враждебна воле Божией; она по слепоте своей и по состоянию вражды к Богу постоянно усиливается противодействовать воле Божией. Когда усилия ее останутся безуспешными, она приводит человека в раздражение, в негодование, в смущение, в огорчение, в уныние, в ропот, в хулу, в отчаяние. В отречении от своей воли для наследования воли Божией заключается отречение от себя, заповеданное Спасителем, составляющее необходимое условие спасения и христианского совершенства.

«Живот — в воли Его», — сказал Пророк (Пс. 29. 6).

Чтоб исполнить волю Божию, нужно знать ее. Только при этом познании возможно отвержение своей поврежденной воли и исцеление ее волею Божиею. Воля Божия — Божественная тайна. «Божьего никто не знает, кроме Духа Божия», — говорит Апостол (1 Кор. 2. 11). Следовательно, до-
 ставление человекам познания воли Божией

может совершиться единственно при посредстве Божественного откровения. «Научи мя творити волю Твою, — молился вдохновенный Давид, — яко Ты еси Бог мой. Дух Твой благий наставит мя на землю праву» (Пс. 142. 10). Воля Божия открыта человечеству в Законе Божием, преимущественно же, с особенною точностию и подробностию, она объявлена нам вочеловечившимся Словом Божиим и приемлется верою. «Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6. 38—40).

Изучение воли Божией — труд, исполненный радости, исполненный духовного утешения, вместе труд, сопряженный с великими скорбями, горестями, искушениями, с самоотвержением, с умерщвлением падшего естества, с спасительным погублением души. Он сопряжен с распятием ветхого человека (Гал. 5. 24; Кол. 3. 9, 10). Он требует, чтоб плотское мудрование было отвергнуто, попрано, уничтожено: «И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, — говорит Апостол, — чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим. 12. 2). Высшее познание, являющееся от освящения человека Божественною волею, вводит в Божественную любовь, в соединение человека с Богом.

Одни из евангельских заповедей научают нас дей-

ствовать богоугодно; другие научают вести себя богоугодно при постороннем действии на нас. Изучение второго труднее, нежели изучение первого; но и первое тогда поймется удовлетворительно, когда душа изучит и примет второе. Необходимо уверить себя, что Бог управляет участию мира и участию каждого человека. Опыты жизни не замедлят подтвердить и утвердить это учение Евангелия. Следствие принятия верою этого учения — смиренная покорность

Богу, отступление смущения, мир души, сила мужества. Кто таким образом примет учение

Евангелия, тот воспримет «щит веры, в немже возможет вся стрелы лукаваго разжженных угасити» (Еф. 6. 16).

Эта вера называется святыми Отцами деятельною, в отличие от догматической. Она является в человеке от исполнения евангельских заповедей, возрастает

по мере исполнения их, увядает и уничтожается по мере пренебрежения ими, преобразуется, в свое время, по осенении благодатию, в живую

веру, исполняет христианина духовною силою, которою святые Божии «побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угасали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих (Евр. 11. 33, 34). Необходимо благоговеть пред непостижимыми для нас судьбами Божиими во всех попущениях Божиих, как частных, так и общественных, как в гражданских, так и в нравственных и духовных. «Смиритесь, — увещевает святой апостол Петр, — под крепкую руку Божию, всю печаль вашу возвергше Нань, яко Той печется о вас» (1 Пет. 5. 6, 7). Смиряться подобает по тому превосходному образцу, который представляется нам Священным Писанием в молитве трех святых отроков, подвергшихся в Вавилоне тяжкому испытанию за верность свою Богу и признавших все попущения Божии последствиями праведного Суда Божия. «Нужда есть приити соблазном», — определил Господь (Мф. 18. 7); предвозвестив страшные бедствия, долженствующие постигнуть верующих в Него и все человечество, Он сказал: «зрите, не ужасайтесь, подобает бо всем сим быти» (Мф. 24. 6). Если так, то мы не имеем ни права, ни возможности сказать или помыслить что-либо против определения, произнесенного всеблагим, премудрым, всемогущим Богом. «Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят; и будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Лк. 21. 16, 17). «...всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир (Ин. 16. 2, 33). Изобразив и предвозвестив положение истинных

Святитель Игнатий Брянчанинов

О ВОЛЕ БОЖИЕЙ

христиан на время их земной жизни, положение, предназначенное им Богом, Господь присовокупил: «но и волос с головы вашей не пропадет» (Лк. 21. 18). Это значит: о вас неусыпно будет промышлять Бог: Он будет неусыпно бдеть над вами, содержать вас во всемогущей деснице Своей, и потому, что ни случится с вами скорбное, случится не иначе, как по Его попущению, по Его всесвятой воле, для вашего спасения. Наставление ученикам по отношению в напастях земной жизни, должествующим постигать их, Господь заключил решительно и определенной заповедию: «терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21. 19). Признайте и исповедуйте Бога правителем мира; благоговейно, с самоотвержением покоритесь и предайтесь воле Его: из этого сознания, из этой покорности прозябнет в душах ваших святое терпение. Известится оно душе тем миром, который оно принесет в душу. Замрет в устах всякое слово против судеб Божиих, умолкнет всякая мысль пред величием воли Божией, как сказал о себе и о своих товарищах святой евангелист Лука: «умолчахом, рекше: воля Господня да будет» (Деян. 21. 14). Надо знать, что всякий помысл, являющийся с свойством противоречия и противодействия судьбам Божиим, исходит от сатаны, и есть его исчадие. Такой помысл, как богопротивный,

должно отвергать при самом появлении его. Пример этого подал нам Господь. Когда Он поведал ученикам о предстоящих Ему страданиях и насильственной смерти, тогда апостол Петр, движимый состраданием по свойству ветхого человека, «начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» Господь отвечал Петру, обличая начало выраженной им мысли: «Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф. 16. 22, 23). Отчего возмущается дух наш против судеб и попущений Божиих? Оттого, что мы не почтили Бога как Бога; оттого, что мы не покорились Богу как Богу; оттого, что мы не дали себе должного места пред Богом; от нашей гордости, от нашей слепоты: оттого, что падшая, поврежденная, извращенная воля наша не уничтожена и не отвергнута нами. «Тогда я не постыдился бы, взирая на все заповеди Твои: я славил бы Тебя в правоте сердца, поучаясь судам правды Твоей» (Пс. 118. 6, 7). «Ты Бог спасения моего; на Тебя надеюсь всякий день» (Пс. 24. 5), перенося благодушно в течение всей земной жизни моей все скорби, какие благоудно Тебе попускать мне во спасение мое.

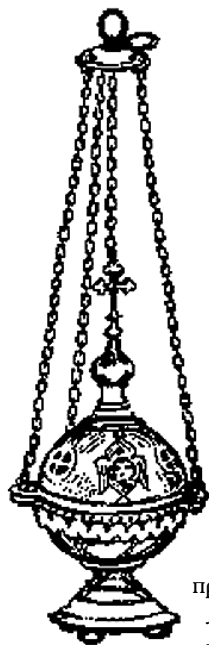
По страницам книги
«Приношение современному монашеству»

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

Кадило, каждение

Каждение — один из символов православного богослужения. С апостольских времен совершается каждение во время молитвы. В металлическую кадильницу на раскаленные угли полагается душистая смола восточных деревьев — ладан.

При сгорании он образует благовонный дым — фимиам.

Сожжение жертв пред Богом появилось на Земле в древнейшие времена. Достаточно вспомнить жертву праведного Авеля. Сам Господь в Ветхом Завете повелел Моисею сделать в скинии особый жертвенник для священного курения ароматических веществ. Волхвы, пришедшие поклониться Христу, среди прочих даров преподнесли Богомладенцу ладан. Евангелист Иоанн Богослов видел в Откровении в Небесном храме Ангела, приемлющего золотую кадильницу.

По толкованию Святых Отцов, огонь как вещество сожигающее и согревающее изображает собою Божество. Поэтому огонь кадильных углей знаменует Божественную природу Христа, само вещество угля — Его человеческую природу, а ладан — молитвы людей, приносимые Богу. Кадильница есть образ Богоматери, вместившей Невместимого Христа. Во многих молитвах Пречистая называется кадилом благовонным.

Богослужбное каждение бывает полным, когда охватывает весь храм, и малым, когда кадят алтарь, иконостас и предстоящих людей с амвона. Когда каждение совершается священным предметом — иконом, храму, оно относится к

Богу, воздавая Ему подобающую честь и хвалу. Когда

же кадило обращается к людям, этим свидетельствуется, что Дух Святой нисходит на всех верных, как носящих в себе образ Божий. По традиции в ответ на каждение принято кланяться.

В храме следует всегда стоять лицом к алтарю, поэтому во время каждения нельзя поворачиваться к нему спиной, нужно лишь слегка развернуться в сторону священника с кадилом и поклониться.

Кадило — металлическая чаша на цепочках, в которую на раскаленные угли кладут ладан; во время богослужения кадило раскачивают и встряхивают, распространяя благовония.

Каждение prepares нас к службе «волею благоухания». Духовному, «умному» богослужению предшествует это телесное, внешнее. Фимиам возносит ум к престолу Божию, куда он направляется с нашими молитвами. Во все века и у всех народов сожжение благовоний считалось лучшей, чистойшей вещественной жертвой Богу, и из всех видов вещественной жертвы, принятых в естественных религиях, христианская Церковь удержала только эту и еще немногие (елей, вино, хлеб). И внешним видом ничто так не напоминает благодатного дыхания Духа Святого, как дым фимиама. Исполненное такого высокого символизма, каждение много способствует молитвенному настроению верующих и своим чисто телесным воздействием на человека.

Михаил Скабалланович. Толковый типикон

ПО СВЯТОЙ РУСИ

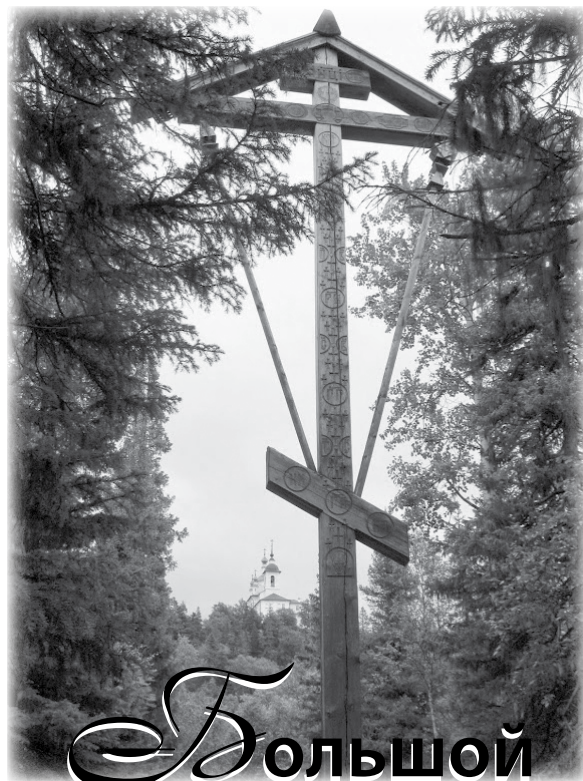
С появлением на севере новгородцев на крутых берегах, посреди полей, по обочинам дорог, на морских побережьях появились кресты. Они стали атрибутом северного христианства, но очень личного и прочувствованного, ведь конкретный крест ставил конкретный человек по конкретному поводу, значит у каждого креста — своя история.

Такие кресты распространены в деревнях на берегах Северной Двины, Пинеги и на побережье и островах Белого моря. Однако, больше всего их — на реке Мезень, здесь ставили кресты по 6-8 метров в высоту. В России, и в том числе на Русском Севере, большинство крестов являются восьмиконечными. Эта форма восходит к ранним векам христианства, когда крест служил орудием казни. Приговоренного привязывали к перекладине за руки. Ногами он касался подножия — маленькой перекладины внизу. Над головой его прибывали дощечку с надписью о совершенном преступлении. Русские мастера эти сложные геометрические фигуры легко вписали в пейзажи северных деревень. Они накрыли крест двускатной кровелькой с охлупнем, причелинами и резным полотенцем — элементами, повторяющими элементы украшения крыш домов. Обычай возводить кресты был принесен на север новгородцами, у которых он был распространен в большей степени, чем в других русских княжествах.

Часто кресты ставили в качестве охранительных знаков. Люди верили, что христианский крест сохранит от разбоя, неурожая, сглаза, поэтому некоторые деревни были буквально окружены крестами. Везде, где могла появиться «нечисть» — на полях, на перекрестках дорог, ставили крест — и шли, не опасаясь.

Памятные кресты воздвигались в напоминание о событии (как о хороших, так и о несчастных), или об пропавших без вести людях. В те времена поморы и зверобои очень рисковали на море, оказываясь один на один со стихией, с суровой северной природой. Люди погибали в море — и чтобы память о кормильце не исчезла, родственники и друзья увековечивали в памятных крестах. Поморы почитали такие кресты, как правило, на них сохранились надписи, например, в двух километрах от поморского поселения Койда на берегу Белого моря стоит крест с надписью: «Сей памятник поставлен в честь

погибших зверобоев на судне Иоанн Златоуст», далее перечисляются имена погибших, и стоит дата: 25.5.1910г.

Большой северный крест

«Крест — хранитель всей вселенной, красота церковная», — так написано на 6-метровом обетном кресте.

Существует и памятный крест, собственноручно поставленный Петром I в Унской губе Белого моря возле Пертоминского монастыря. Петр поставил этот памятник в честь своего счастливого избавления от гибели в морской буре, затем он хранился в Архангельске в Троицком кафедральном соборе.

Памятные и **поклонные кресты** ставили и на местах разрушенных церквей и часовень, когда у людей не было средств на восстановление. К таким крестам относились особенно бережно, потому что стояли они на святых местах, приходили, молились и совершали у него службы.

Обетные кресты, возводили по обету, по обещанию, в благодарность святым за услышанные молитвы или в честь какого-то события. В городе Мезени, как писал в книге «Год на Севере» С. Максимов, в XVIII в. было поставлено девять крестов в память о необычайно жестокой зиме, во время которой лютые морозы стояли до конца мая, и «едва не вымерзло все живущее

в городе».

Многие кресты даже назывались по именам своих создателей. Например, в Койнасе (Лешуконский район Архангельской области) есть Татьянаин обетный крест. Его историю знают все местные жители. Рассказывают, что на холме, где теперь стоит крест, были поля человека, у которого была жена Татьяна. Однажды она тяжело заболела, и муж повез Татьяну в Коми, потому как поблизости церквей не было. Там она излечилась по молитвам, и муж выполнил данный прежде обет — поставил крест на своей чищеннице.

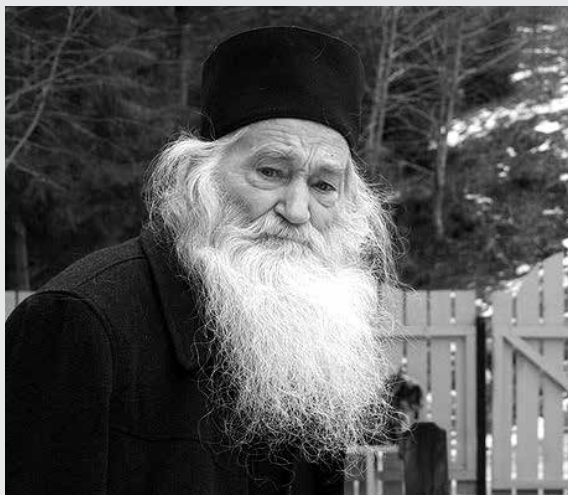
В деревне Заакакурье на Мезени, стоит обетный крест, у которого происходили счастливые случаи исцеления. Рассказывают, как один мужик в 50-е гг. по распоряжению райкома спилил крест, и бросил его в овраг. У него тут же отнялись ноги. Пришлось ему, преодолевая себя, с помощью друзей и родственников, ставить крест обратно. Ноги выздоровели.

Кресты помогали распознавать местность и определять направление частей света, так как перекладина креста всегда на любом берегу была ориентирована с севера на юг. Эти кресты часто упоминались в старых морских лоциях.

Щербакова Ольга
Кирилица.ру

Когда жизнь твоя по Богу

СОВЕТЫ СТАРЦА ИУСТИНА (ПЫРВУ; † 16 ИЮНЯ 2013 ГОДА)

Летом 2013 года отошел ко Господу старейший румынский духовник архимандрит Иустин (Пырву). Он был одним из самых любимых в Румынии батюшек. 16 лет провел в тюрьмах за религиозные убеждения, 25 лет находился под пристальным надзором румынской «секуритате», но это не погасило его ревность по Богу. Отец Иустин всегда отстаивал чистоту святой веры православной: и в годы социалистического атеизма, и после его крушения, когда над Румынией нависли новые угрозы. Мужество и героизм этого исповедника Христового, готового пойти на любые жертвы ради Истины, служат для всех нас, современных христиан, образцом стояния в вере. В 70-е и 80-е годы сотни людей ожидали ежедневно у двери его кельи в монастыре Быстрица (недалеко от города Пиатра Нямец), чтобы излить свое страдание и боль и воскресить надежду.

Длюби нищих и сострадай им, чтобы и тебе быть помилованным Богом.

Не обличай скорбящих сердцем, чтобы не быть наказанным тем же железом и, когда станешь искать того, кто бы помиловал тебя, не оказалось, что его нет!

Помни, что ты тоже носишь брненное тело, и делай добро всем без исключения.

Выше всех добродетелей рассудительность.

Не укоряй никого за его прегрешение, но считай себя ответственным за всё, даже за прегрешение ближнего.

Лучше быть презираемым, чем презирать самому. Лучше быть обижаемым, чем обижать самому.

Не живи вместе с гордым человеком, чтобы душа твоя не лишилась благодати Святого Духа и таким образом не стала обиталищем лукавых страстей.

Избегающий суетной славы мира сего ощущает в душе своей славу будущего века.

Ненавидь покой и благополучное бытие, чтобы сохранить помыслы свои безмятежными.

Остерегайся множества встреч и пекись о душе своей, чтобы сохранить душевное спокойствие.

Остерегайся малых грехов, чтобы не впасть в большие.

Полезней воскресить душу свою из страстей, помышляя о Божественном, чем воскрешать мертвых.

Многие совершали удивительные дела, воскрешали мертвых, подвизались, чтобы привести заблудших на путь спасения, творили великие чудеса. Многие были приведены с их помощью к ведению Бога. Впоследствии, однако, те, кто воскрешал мертвых, впали в постыдные страсти. И тем самым, своими греховными делами, которые стали явными, они ввели в соблазн многих. В действительности же они сами были больны, но вместо того, чтобы печься

о своем душевном здоровье, бросились в открытое море мира сего, чтобы лечить и спасать души других, погубив таким образом и надежду свою, и душу.

Кому ненавистно прельщение и рассеяние ума в мирских вещах, тот видит внутри сердца своего Владыку и Господа своего.

Чтобы Бог принял во внимание наши добродетели, они должны сопровождаться телесным воздержанием и чистой совестью.

Д лучше жить с орлами, чем с алчным и ненасытным.

Лучше жить с увечным и отверженным человеком, чем с гордым.

Лучше быть гонимым, чем гнать; лучше быть распятым, чем распинать; лучше быть оскорбляемым, чем оскорблять; лучше быть оклеветанным, чем клеветать.

Самооправдание не имеет места в жизни христианина и нигде не обретается в учении Христовом.

Если любишь кротость, то увидишь мир в душе своей. А если удостоишься стяжать мир, то будешь радоваться во всяком искушении.

Бог терпит все наши немощи, но не выносит того, кто все время ропщет, и наказывает его, чтобы исправить.

Уста и сердце, во всяком искушении благодарящие Бога, получают Его благословение и Божественную благодать.

Божией благодати предшествует смиренномудрие, а Божью наказанию — высокоумие.

Когда жизнь твоя по Богу, не печалься из-за скорбей и своих лютых страстей, ибо Бог отнимет их у тебя в один прекрасный день. Не бойся также и смерти, потому что Бог приготовил будущие блага, чтобы сделать тебя превыше смерти.

По страницам сайта Православие.ру

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

В середине 80-х годов в Питере я познакомился с одной старушкой. Звали ее Александра Ивановна. Она была духовной дочерью митрополита Вениамина (Федченкова), рассказывала о нем много любопытного, но речь сегодня не о том.

Александра Ивановна вспоминала, что от рождения она

не могла ходить. Ее отец был железнодорожным инженером, человеком в дореволюционной России весьма состоятельным. Он показывал ее лучшим докторам, в том числе и иностранным. Те только разводили руками — не могли определить, что за болезнь, а значит, и помочь были не в состоянии.

Ее мама была очень набожной, поэтому все время носила дочь в храм. А поскольку из-за профессии отца им приходилось менять место жительства, то они часто посещали храмы, где хранились мощи разных святых.

Александрке было лет пять или больше, когда они поселились в Иркутске. Мать по обычаю принесла дочь в кафедральный собор, оставила сидеть на скамье, а сама встала на колени перед гробницей святителя Иннокентия Иркутского и горько плакала.

Александра Ивановна рассказывала, что ей стало так жалко маму, так жалко, что она ... сама встала со скамейки и пошла к ней, чтобы ее утешить.

С тех пор ноги ее были всегда крепкими. При нашей встрече ей было далеко за 80, а она ходила легко и свободно, без всякого старческого шарканья.

Владимир Щербинин

РАССКАЗ

Потом, девяносто лет спустя, никто так и не сможет вспомнить, откуда явился шкаф.

А Софи повстречалась с ним летом семнадцатого, перед своим первым балом, когда окончила институт благородных девиц. К этому дню родители, Анна и Пётр, по-новому обставили комнаты старшенькой; среди прочей мебели оказался и чудо-шкаф с инкрустированными дверцами, литыми ручками и гранёным стеклом, работы Талашинской мастерской.

— Придётся ли ей по вкусу наш выбор? — тревожилась мать.

— Даже не сомневайся, голубчик! — смеялся в ответ отец.

И полные чуткой заботы руки разложили дары:

гремящие и непременно жестяные коробки — пряный ландрин, двухслойный жевательный мармелад, изрядная стопка из шоколадок серии «Дети-шалуны», где были и Шура, и Таня, и Катя, и напоследок — горки из карамелей: «Добрая Фея», и «Золотая рыбка», и «Отгадай», в аппетитно хрустящих обёртках.

Венчал это великолепие торт, возлежавший на верхней полке.

Софи вступила в свой обновлённый дом. Её встречали сияющие глаза младших сестер, чьи сны уже были похищены набитым конфетами чудом.

Но наученная не выдать волнения или радости, Софи, подойдя к инкрустированному красавцу, так мимолётно склонила голову, что светлые завитки и кудри даже не шелохнулись:

— Маман, рара... — проговорила она, — как мило. Благодарю.

Отныне шкафу выпал счастливый билет: беречь в своем чреве сладости. И повелось с тех пор: новое складывать на самый верх, старое и черствеющее перемещать на нижние полки. Сладосто-передвижение это замедлилось в девятнадцатом, в двадцатых замерло, к тридцатым же возобновилось. И в голодные годы шкаф был набит до отказа. Вещи потоками шли с молотка, а его чужая рука не коснулась.

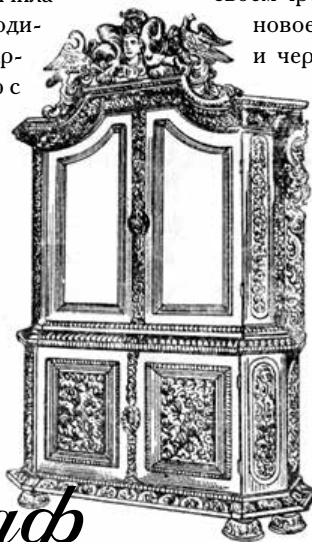
К нему, словно властителю целой квартиры, Софи водила гостей; некоторым перепадали крохи с самого низа. До гражданской она открыто им любовалась, проплывая мимо, бросая довольный взгляд, перебирая тонкой, прозрачной рукой его сокровища, но после нахлынули иные заботы: замужество,

переезд к Москве-реке в квартиру мужа. За хозяйкой неотлучно последовал шкаф.

С рождением сыновей жизнь Софи сильно переменялась.

— Не забывай, что есть у тебя и сёстры, — напоминала ей мать.

Она же в ответ задумчиво улыбалась; рука её, утешая близких, к дальним оставалась скупой.

Шкаф с инкрустацией

МАРИНА
АЛЁШИНА

Родители, младшие сестры, маленькая племянница казались жителями далёкой страны.

А шкаф ломился от новых, советских пирожных. Лакомства верхних полок, свежайшие, с пылу с жару, предназначались двум сыновьям, её любимым мальчишкам. В самом низу размещалось подаренное родителями ещё в семнадцатом, далёком и позабытом.

Так и прожил бы шкаф, ни разу не соблазнив и не ранив чужого ребёнка, если бы однажды тапан не привела с собой маленькую внучку Эллу. Софи глянула вскользь на племянницу, плод чудовищного мезальянса, столь бесстыдно некогда потревожившего семью. Взрослым было что обсудить, и ребенка оставили одного. В суматохе девочка послонялась по комнатам, набрела на великана со сладостями и уже не смогла отойти. Шкаф сразил её наповал. Шкаф воистину царствовал. Надвигался внушительным брюхом, весело блестел гранёным стеклом, как хозяин ломбарда в пенсне.

Элла обошла его дважды, осторожно и чинно ступая с носка, как учила бабушка, спину держа так же прямо, как тётя Софи.

— Как прекрасны Вы, господин мой, шкаф! — возгласила она, смеясь.

А подняв глаза, не смогла отвести их от монпансье на средней полке. Она знала, что монпансье, которое бабушка обзывала ландринном, — разноцветное чудо. Что оно обитает в железной коробке, перекачивается и по-смешному гремит. Что оно ударяет в нос, когда приоткроешь крышку и разглядишь весёлые кругляшки. Что оно терпко и нежно пахнет чем-то неясным и пряным. Тут же рядом, на средней полке, с ним соседствовали: знакомая карамель под названием «Клюковка», шантклер с петушком, пряники, пастила, шоколадка в фантике с воротами и колоннами, над которыми сверху скакали четыре лошадки.

Элла чуть отступила назад и разглядела на самом верху аппетитнейший торт. Ей почудилось: он кивнул её в ответ и проказливо подмигнул ярко-красным и жёлтым.

Рассмеявшись снова, девочка вдруг поняла, что она не одна: с высоты взирали тётя и бабушка: первая — снисходительно, вторая — тревожно. Квартиру Элла покидала, светясь от радости и восторга. Пусть мечты о торте и монпансье не сбылись, но зато она стала теперь хозяйкой маленькой шоколадки с мелкой надписью на боку: «Детишалуны» и крупной, цветастой: «Катя».

Потому-то дорогой Элла не вынимала руки из кармана, согревая плитку ладошкой; на безлюдной набережной, в самом центре вечерней Москвы, не удержалась и потихонечку развернула.

— Дай мне это, голубчик! — прошептала бабушка и решительно протянула руку.

— Ну, пожалуйста! Пожалуйста! Не отбирай! — умоляла внучка, пятясь к чугунной ограде реки.

— Детка, не спорь!

— А ты не забирай!

— Элла! — Бабушка настаивала, вырывая сладость дрожащей рукой.

— Не отдам! Не отдам! Не отдам!

Только бабушка Анна в этот раз не сдавалась, она крепко ухватила за плитку и тянула её к себе с небывалым

упорством. Шоколадка треснула и разломилась надвое.

Элла уселась на корточки — скушать своё сокровище. И углядела в свежем разломе беленьких червячков.

Там, на набережной, обнявшись, они с полчаса прорыдали обе.

Словно Божьи коровки по тропке, сновали машины, и Москва с ними рядом жила нарочито глянцевою жизнью. Этот час вонзился в Эллино сердце. И она до самого дна впитала бабушкины слова:

— Ну, не смей же отчаиваться, сердце моё! Слышишь? Ну, не плачь. Вытирай свои слёзы. Вот так. Всякое ведь бывает: пройдут и белые облака, и чёрные тучи. Только отчаяние от себя гони. А когда-нибудь оглянешься и сможешь понять, а там и прощение рядом.

С шоколадкой расстались без сожалений, у кромки тёмной воды.

С этих пор Элла помнила: у Софи братья нельзя ничего. С этих пор разделялась надвое и разламывалась, вспоминая тётю, и одна половина боролась против другой. Стоило вспыхнуть обиде, как её заливала память бабушкиных слов.

Только тётя Софи об этом не помышляла. В эти годы она процветала и становилась всё вычурней и богаче.

Так, на разных планетах, ни разу ни повстречавшись, они прожили десять лет. Жизнерадостный Эллин нрав не украли горестные потери: упокоились родители, на бабушкиных руках оставив новорожденную сестренку Таню. Бабушка и две внучки зажили душа в душу на пространстве в десять квадратных метров. Мерзли, перебивались с хлеба на воду, но никто не роптал на золотые эти года, когда с ними в крохотной комнатухе обитали и мир, и радость, и трогательная любовь. Бабушка понемногу учила девочек всему, что умела сама, а умела она немало.

И с Софи тем временем произошло немало метаморфоз: в тридцать седьмом, одной из ночей, забрали мужа. И она, как наседка, спрятала сыновей под крыло — сберечь от враждебного мира. Она складывала многое и копила в страхе, потому что постоянно ждала беды, а услышав просьбу что-то отдать, вся сжималась в тревожной муке.

В том застала их всех война. Элле минуло только шестнадцать. Маленькой Тане исполнилось шесть.

Переменилось всё, кроме их друг к другу трепетной теплоты. Мир сгустился, сделался маленьким и простым. В нём, без всяких изысков или лукавства, остались ясные вещи: неизменная тяга в сон, жажда воды и еды. Карточки берегли: они полагались одной только Элле за круглые сутки на конвейере и у станков. Таня украдкой, чтобы никто не узнал, ковыряла и ела полоски бумаги, перечеркнувшие окна. Их прикрепили в самом начале войны, клеем из отсыревшей прогорклой муки. Когда комната стала просторней, потому что продали всё, что могли, а к пустоте прибавилась тишина, на имя тётя Софи, не сговариваясь, наложили табу.

В этом вынужденном безмолвии горя заболела Элла, и во всей Москве не нашлось ни ваты, ни куска бинта, наложить на открытую рану. Врач с осунувшимся лицом возвращал на место пропитанную сукровицей, душно пахнущую тряпку, не уговаривал и ничего не скрывал.

Смерть ходила рядом. Её преображающие разум черты часто виделись Элле вблизи.

Но настали бесхлебные дни, и память о тѣте повисла в воздухе, как занесённый к удару топор, и ожидала лишь повода, чтобы обрушиться и прикончить. Она наступала на пятки. Она настигала и принималась мучить. То была память еды, оживавшая, стоило только прикрыть глаза, и еда эта почему-то всегда оказывалась принадлежащей тѣте. Да и как прогнать её, эту память, если знаешь, что есть совсем рядом такое тёплое место, где набит до отказа шкаф и ломится стол? Оказалось — такие мысли неистребимы.

Обида воскресла, заявила свои права, принялась пытаться безжалостно, изошрённо, жестоко.

Бабушка всё молчала. «Вот сейчас она заговорит, и лишь только откроет рот, как отправит к ней, — содрогалась Элла. — Пусть. Я тотчас же откажусь. Я сошлюсь... Ведь должно же найтись ну хоть что-нибудь годное, чтоб на него сослаться? Такое окончательное, решительное или страшное, чтобы сразу и навсегда отрезать весь разговор». Так она изводилась целыми днями, и вздохнула от облегчения, когда, наконец, услышала:

— Элла, голубчик мой! Никуда не денешься. Придётся идти.

Едва слышно прошелестели эти слова: бабушка про-

изнесла их, не отрывая взгляда от бумажной полоски, пересекавшей стекло. За окном в зимней дымке лежала Москва, вся утыканная ежами, словно зверь в агонии смерти.

«А ведь тетя Софи — её дочь» — вдруг подумала Элла, и всё то, что готово было слететь с языка, улетучилось вмиг. Ей вдруг стало мучительно жаль эту мать, у которой рядом, в том же городе, проживала сытая дочь. Ей вдруг вспомнились руки, лицо её собственной умершей мамы. Уже целых восемь лет у неё нет мамы! Ну а если б была? Если б только была, — она отдала бы ей все. Значит, бабушке вот сейчас, после этих слов, в сто или тысячу раз больнее.

Размышляя об этом, она поднялась с кровати и обула старые боты. Потом накинула старый платок, пальтишко, подбитое ветром, и выбежала в темнеющую Москву. И почти побежала вперёд, чтоб успеть возвратиться до комendantского часа.

Родные Хамовники остались уже позади, а там растелилось вокруг Девичье поле. На просторном Зубовском она очнулась и огляделась, привалившись спиной к высокому, до второго этажа штабелю мешков для баррикад. Мимо проехал конный патруль: из лошадиных ноздрей валил белый пар и клубился в морозном воздухе. Элла двинулась дальше, огибая ряды ошетилившихся ежей, свернула на Пречистенскую набережную; Родина-мать с плаката ткнула её указующим перстом прямо в спину.

На Большом каменном Элла остановилась, унять колотящееся сердце и отдышаться. Начинало смеркаться. Над Москвою, будто акулы, колыхались аэростаты. А безлюдные улицы показались дном, где хоронятся за маскировкой пугливые донные рыбы.

До цели оставалось — рукой подать. Она снова припустила, ощущая, как жар то окатывает, то отливает волнами. На Берсеневской в ней откуда-то появились новые силы. Дом возник перед нею вдруг, будто вырос из-под земли, и едва Элла поравнялась с ним, как комок в груди затвердел, а затем подобрался к самому горлу. Как хотелось бы ей вернуться! Но пришлось собраться с духом и снова идти вперёд. Ради бабушки. Ради Тани.

У тѣтиной двери — последняя передышка. Первым вышел старший двоюродный брат, а за ним из тёплой уютной квартиры выплыла тѣтя.

— Мне еды. Любой. Не для нас это. А для Тани.

То ли жалкий вид племянницы тронул Софи, то ли впечатлила пропитанная гноем повязка, но она, кивнув головой в неподвижных тугих завитках, молча исчезла в кухне.

Элла ещё держалась, вцепившись в гладкий косяк, и копила силы в обратный путь. У неё просто кругом шла голова: оба брата теперь наблюдали за ней, что-то жуя, обдавая запахом с головы до пят.

Е. Зернова «Бабушка и внучка»

А потом, не помня себя, Элла прижала к груди сетку с десятком яиц, выданных тётей, и помчалась домой.

Никогда она не смогла забыть, как вернулась, как с надеждой они разбили первое из яиц, как разлился по комнате запах смерти, и ударил в голову тяжкий дух сероводорода. Тот десяток тухлых яиц, бессердечно дарованный голодающему ребёнку, изменил её всю, пропахал, переехал душу на «до» и «после», даже бабушкино всепрощение оказалось бессильно помочь.

Ощущая остро душевный разлом, понимая, что пока не в силах его срастить, она многие годы избегала видиться с тётей.

А Софи, между тем, страдала. Тяжко мучалась в сорок седьмом, когда чёрный ворон увозил старшего сына, и чернела от неизвестности о пропавшем муже. Но умела держать лицо. Вид её оставался ясен и тих, когда младшенький запил по-чёрному. Ей осталась последняя радость: внук. Тут Софи пригодились уроки института благородных девиц, и она целыми днями готовила внука в ВУЗ. Миловало и это: поступил он блестяще, сразив экзаменаторов знанием точных наук и великолепным английским.

Внук ушёл точно так же, как все, в свою, уже взрослую, жизнь. А последним оглушил её младший сын, утонувший спьяну в колодце.

И теперь одиночество, что билось в этот берег не раз, накатило девятым валом. Софи обладала квартирой, а уютилась в мизерной комнатухе, где от времени потемнели оконные стёкла, где ржавела старинная кровать и царствовал великолепный шкаф с инкрустацией и гранёными дверями. Никогда и никто не спросил, о чём она размышляет целыми днями. О первом ли бале? Об умершем муже? Или о сыновьях — сгнувшем в лагере старшем и утонувшем по пьяни младшем? Долгие годы тянулись однообразно, и её не навещал никто.

Но однажды заглянула с внучкой Иришей Элла.

Они прошагали по пыльной квартире к самой маленькой комнатухе, и у тётю Софи той седеющей осенью не нашлось для них радостных слов. А Ириша, как многие до неё, застыла у великана-шкафа и получила плитку с чудесной обёрткой: над воротами в белых колоннах гарцевали четыре лошадки.

Но едва они вынырнули из тьмы в сияющий день, Элла строго проговорила:

— Гостинец давай-ка сюда. Кушать это нельзя.

Шоколадка производства тридцатых годов полетела в ближайшую урну.

Всё же у Эллы защемило сердце от видения, представшего ей в каморке тётю Софи, и она стала приглашать её в гости.

На ковре резвились Эллины внуки, поднимая ужаснейший тарарам: Ириша и двое младшеньких, Алик и Ксюша, строили башни, а потом сбивали их, устроив живой паровоз. Иногда мальчик в пылу игры натёкался на незнакомые ноги в праздничных тапочках Эллы.

Тётю Софи сидела с прямой спиной и молчала, словно чужая, изящно сложив на коленях руки. Эта тихая бабушка в белых кудряшках и старинных перстнях детям была непонятна, и они сторонились её, отчего-то страшась с ней заговорить. И тогда Софи стала носить им гостинцы.

Было строго-настроено запрещено брать у тётю

Софи даже самую малость, но однажды Ксюша не удержалась и скушала конфету в фантике со сказочным пестушком.

Элла навестила старую тетю спустя два дня, и, отводя взгляд, попросила:

— Не приезжай к нам пока, хорошо?

Каждое из этих слов далось ей с кровью. Но она смогла промолчать о «Скорой помощи» и отеке Квинке, не намекнуть, что младшая внучка — аллергик, и не проговориться о том, что Ксюшу с трудом удалось спасти. Промолчала и постаралась забыть.

Так они распрощались снова.

А у шкафа ломились бока: уже много лет он был набит до отказа.

Годы шли. Возмужал Софийн внук, семьям правнуков понадобилась квартира. Они повели себя благородно, и оставили прабабушке маленькую комнатуху.

Но теперь, когда за дверью раздавалось множество звуков, она чувствовала одиночество всё острее. И решилась сама, никому не сказав, сдать себя в дом престарелых. «Стариковская заморочь. Кто её заставлял?», — пожали плечами правнуки. Одна Элла, едва услышала эту весть, полетела к тете.

Задержав дыхание от смрада, который обрушился на неё, едва остановился лифт, Элла вступила в лужу мочи. В первой же отворенной двери она увидела Софи, сидящую на кровати с изжелта-серым бельем, и руки её лежали на коленях всё так же изящно и грациозно.

Эти иссохшие, прозрачные руки Эллы бережно взяла в свои. Тётю Софи положила ладонь на седые кудри племянницы. Так они просидели долго, думая каждая о своём. А потом поделили по-братски и попробовали гостинцы: шоколадный советский торт и простейшую карамель.

Отныне они понимали друг друга без слов: молчание с диалогом душ справлялось отлично. Никто из них не обмолвился об изувеченном, жгучем прошлом ни теперь, ни в другие разы. Элла одна посещала тётю: внук и правнуки совсем о ней позабыли.

Софи умерла два года спустя. Похороны были богатыми: в этот раз внук не скупился. Элла долго оплакивала её и ужасно жалела.

Настала очередь шкафа оказаться лишним. Новые властелины выдворили его за пределы квартиры, безжалостно выпотрошив туго набитое брюхо, и разместили на чердаке. Там обрастал он пылью несколько лет, пока не нашла его юная поросль — праправнуки тётю Софи.

В тот день они играли на чердаке до вечера, и когда над дачным посёлком загорелись звёзды, изъеденный червями шкаф был приговорен к жесточайшей казни. Младший настаивал на расчленёнке, старший, увлекавшийся в то время средневековьем, объяснял, что костёр инквизиции на порядок эффективней и романтичней.

Его сожгли следующим вечером; у костра скакали закутаный в одеяло индеец с палкой и отважный рыцарь, точно с такой же палкой и точно в таком одеяле.

Только внук Софии был в тот день необычайно задумчив. Он сидел у огня до глубокой ночи, поворачивая деревянные брусья так, чтобы все они, теперь — дрова, а когда-то — панели с инкрустацией, сгорели дотла.

Клуб православных литераторов «Омилия»

«Москва для меня мачеха, а мать – провинция!»

(Памяти С.В.Ямщикова)

8 октября исполнилось 75 лет со дня рождения недавно ушедшего из жизни знаменитого реставратора Саввы Васильевича Ямщикова. Заслуженный деятель искусств России, академик РАЕН (отделение «Российская энциклопедия»), художник-реставратор высшей категории, искусствовед, историк, писатель, член президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, лауреат многих наград, организатор множества выставок, он известен своим неизмеримым вкладом в сохранение и восстановление отечественной культуры.

Этого человека Лев Гумилев называл пассионарием своего времени. Большую часть своей жизни он провел в русской провинции, собирая и восстанавливая старинные иконы. Его заботливые руки вернули к жизни сотни древних святынь. Но это, пожалуй, только малая толика того, что он сделал для древнерусского искусства.

Поколение оттепели отождествляет с ним возрожденный в 70-х интерес к иконам. Его, 25-летнего искусствоведа, Андрей Тарковский выбрал консультантом фильма «Андрей Рублёв».

Его любили, опасались и не всегда понимали, но всегда слышали. Называли «вулканом» и «самым беспокойным человеком России». Он боролся за сохранение исторического облика многих её старинных городов. Неумолимый исследователь и популяризатор древнерусского искусства, знаток и защитник памятников культуры, открыватель несправедливо забытых художников, он умел убеждать и тревожить.

«Современник Пушкина – Вяземский – писал, что эпические времена кончились, потому что нет больше имен великих людей. В наше время тоже говорят, что люди измельчали. Но жизнь Саввы Васильевича Ямщикова говорит о том, что это не так: в России не перевелись великие люди. Может быть, их мало, но на их плечи можно взвалить больше, чем на целые армии.

19 июля 2009 года на 71-м году жизни во Пскове, во время одного из очередных приездов в любимый город, завершил свой земной путь выдающийся художник-реставратор, председатель Ассоциации реставраторов России, академик РАЕН, искусствовед и писатель, заслуженный деятель искусств России Савелий (Савва) Васильевич Ямщиков.

Псковская земля как будто в благодарность приняла его. Заупокойную литию отслужили в храме Георгия Победоносца на погосте древне-псковского городища Воронич, в реставрации которого Савелий Ямщиков принимал самое активное участие. Погребли его (согласно завещанию, которое он сообщил за несколько дней до смерти: «возле Пушкина, возле Михайловского») 21 июля у стен этого храма.

«Москва для меня мачеха, а мать – провинция», – говорил Савелий Ямщиков.

Большую часть своей жизни Ямщиков провел в русской провинции, сначала занимаясь профилактическими реставрационными работами на произведениях иконописи, а затем, обследуя музейные запасники, составляя реставрационную «Опись произведений древнерусской живописи, хранящихся в музеях РСФСР».

А родился он в 1938 году в столице 8 октября, в день преподобного Сергия Радонежского. Народный художник России Юрий Люкшин говорит: «... мне кажется, что это не случайность. Подобно своему святому покровителю, он сочетал в себе духовную жизнь и государственное видение».

Ямщиков вырос в бараке на Павелецкой набережной, по соседству с Андреем Тарковским. Позже он станет консультантом на съёмках его легендарного «Андрея Рублёва».

В знаменитой же мастерской побывают самые известные писатели, художники и учёные. «От Дмитрия Дмитриевича Шостаковича до Василия Макаровича Шукшина, который приходил, смотрел внимательно выставку. Он тогда готовился к съёмкам Степана Разина. И он даже сказал: я бы вас хотел попробовать на роль Степана Разина. Я сказал: вот консультантом у Тарковского – это понятно. Если нужно будет быть консультантом у вас – я тоже соглашусь. А актёрство... Мне, конечно, приятна такая «внешняя» слава, но тогда мне придётся не ездить в Псков и Новгород, и вы не придёте на следующую мою выставку», – вспоминал Ямщиков.

Про себя Савелий Ямщиков всегда говорил, вторя любимому Пушкину: я не езу, я «служу» по России. Псков, Новгород, Суздаль, Кострома, Ярославль, Карелия, Вологда, Кижы ... Здесь и ещё во многих других заповедных уголках России Савелий Васильевич занимался реставрацией произведений искусства и делал настоящие открытия. По его словам, нет такой иконы в России, которую он не держал в руках, а чаще – реставрировал. Нет и такого старинного города, где бы Ямщиков не реставрировал фрески.

Уже в двадцать лет он начал работать во Всероссийском реставрационном центре (ВРЦ) в отделе иконописи. Своего студента искусствоведческого отделения истфака МГУ пригласил сюда его университетский

педагог, выдающийся реставратор Виктор Филатов, который заведовал этим отделом. Здесь в те годы трудились знаменитые художники Игорь Грабарь, Павел Корин. Лучших учителей, чем все эти подвижники, трудно было найти.

В Марфо-Мариинской обители, основанной святой преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Фёдоровной Романовой, где в советское время размещался ВРЦ, Савелий Ямщиков проработал двадцать лет. Реставрировал иконы. Писал статьи о древнерусском искусстве. Влюбившись в него, оставался верен ему до конца своих дней.

В 1960-е Ямщиков устроил первую выставку икон — на Кузнецком мосту. Очередь тянулась чуть ли не от Кремля.

Одним из первых в СССР он стал заниматься вопросами реституции культурных ценностей, которые во время Второй Мировой были вывезены из государств, воевавших против Советского Союза. Ямщиков активно выступал против «безвозмездного» возвращения этих ценностей.

В последние годы жизни вёл активную борьбу за сохранение исторического облика древнего Пскова и заповедника в Пушкинских Горах.

Про Псков, где Ямщиков провел полжизни, говорил: немцы в 1944-м город оставили в лучшем состоянии, чем он сейчас. Он был строгим и страстным, неистовым, когда отстаивал свой любимый город, который, по его словам, для России мог бы стать тем же, чем является для Италии Флоренция.

«Псков близок. Потому что здесь жили люди — пусть меня извинят за нескромность, — характер которых я унаследовал не потому, что здесь работал. Видимо, во мне кровь такая. Здесь жили люди не разрушители. Они были создатели. И во Пскове останутся эти создатели», — говорил Ямщиков. Благодаря ему сто икон — «Живопись древнего Пскова» — мир увидел ещё в «застойные» времена. Эти иконы были отреставрированы под его руководством во Всероссийском реставрационном центре. Выставка легла в основу псковской музейной экспозиции.

А в 2009 году он дошёл до самых высоких кабинетов власти, чтобы решить проблемы Пскова. Очень хотел, чтобы появилась правительственная программа по его возрождению, восстановлению исторического значения.

Когда на глазах стали разрушаться его любимые псковские храмы, уже накануне своего 70-летия Ямщиков снял фильм «Псков погибающий». И его услышали. Богоявленский, Успенский соборы восстанавливаются.

«Ироничный, весёлый и прекрасный человек. Умнейший, сделавший для Пскова больше всех. Нет такого человека, который бы сделал для

Пскова больше, чем Ямщиков. Так громко, как кричал Савва, никто кричать не будет, и так рьяно отстаивать. Но я уверен, что продолжатели его идей будут. Его дело не умрет, как бы пафосно это ни звучало. Уж очень глубокий задел совершён этим человеком», — уверен режиссер Дмитрий Месхиев.

А писатель Валентин Курбатов полагает: «Для смерти никакие слова не равны. Но великие люди — а Савва Васильевич, несомненно, великий человек — может быть, последний в сонме тех, кто уходил так стремительно, кто был сердцем, счастьем, тревогой, надеждой России, — эти великие люди и смертью своей совершают последнее спасительное дело. Они поднимают нас, чтобы мы почувствовали, что мы на последнем пороге стоим».

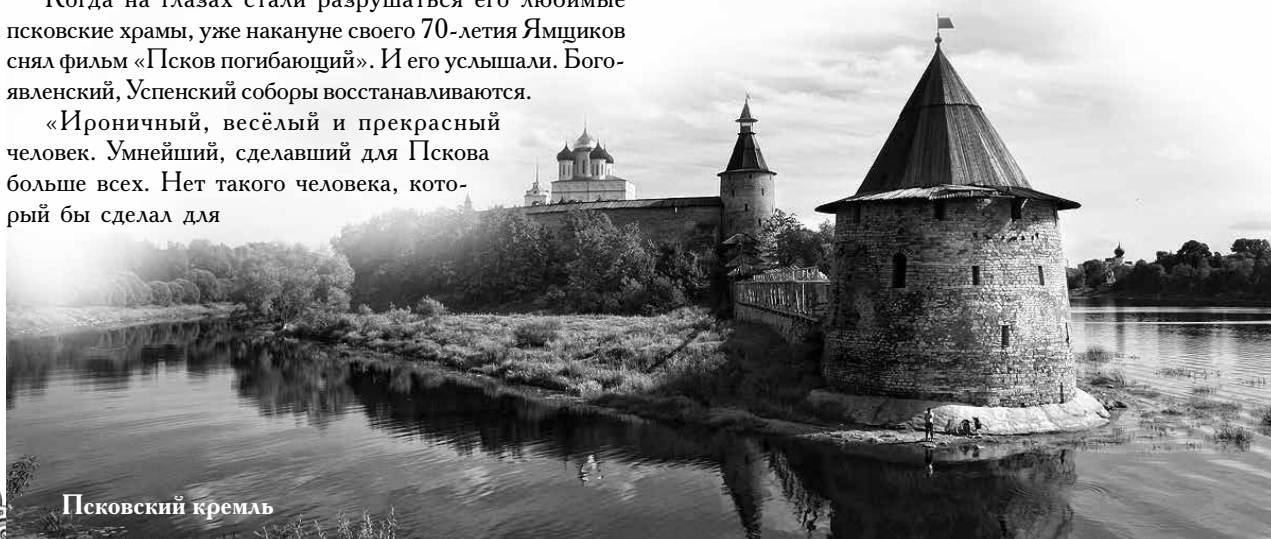
Мы были прихожанами одного и того же храма — святителя Николая Чудотворца в Кленниках. Близ него он жил. Поэтому я видел, как молился Савелий Васильевич, который довольно часто бывал на службах, исповедовался, причащался Святых Христовых Тайн. Несмотря на свои больные ноги, Савелий Васильевич не оставался на первом этаже, где благодаря радиотрансляции всё было слышно, а поднимался в верхний храм.

Мне довелось слышать и яркие выступления Савелия Васильевича в Центральном Совете Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры (ЦС ВООПИиК), одним из основателей которого он был, в других местах.

«Если меня спросят, — подчёркивал Ямщиков, — что для меня основное — работа реставратора, чем я занимаюсь всю жизнь, работа искусствоведческой, чем я тоже занимаюсь всю жизнь, моя публицистическая деятельность, чем я занимаюсь в последние годы... Я отвечу: основное для меня — это память, которую я должен сохранить. Самое большое чувство, которое я испытываю сейчас, — благодарность к Богу за то, что он дал мне прожить, к людям, которых я встретил на своем пути».

Царство Небесное рабу Твоему, Господи! Вечная Память!

**Николай Головкин, член Союза писателей России
Литературно-общественный журнал
«Голос эпохи» №7, 2009**

Псковский кремль

МЫСЛИ О ГЛАВНОМ

САВВА
ЯМЩИКОВ

Я – ПРАВОСЛАВНЫЙ!

Мне довелось прочитать письмо десяти академиков (о проблеме введения в российских школах курса Основ православной культуры) в пушкинских местах, в Тригорском. Его суть — это протест против преподавания в школах основ православной культуры. Я всю жизнь занимаюсь, как реставратор и искусствовед, древним русским искусством. И когда я слышу подобные заявления — что не надо преподавать православную культуру, я думаю прежде всего о культуре, которую, оказывается, не надо преподавать. В этой связи я вспоминаю человека из ведомства небезызвестного вислозадного ефрейтора с усиками, говорившего, что при слове «культура» он хватается за пистолет. Звали его Геббельс.

Скажу так — за атеистические годы советской власти наше поколение было варварски обкрадено. Учась в школе, мы не знали элементарных вещей. Мне, кстати, повезло, я вырос в старообрядческой семье, где Псалтирь, Библия и Евангелие были обиходными книгами. Я лично многое знал. Но — далеко не все. Когда я поступил в Московский университет, где изучали древнерусское искусство, итальянское Возрождение, средневековое искусство, многие из студентов просто не знали, кто такой апостол Фома, что такое — избиение младенцев. Они не были подготовлены к восприятию культуры прошлого. И я надеялся на то, что, когда гнет атеистической пропаганды в нашей стране падет вместе с изменением основ государственной власти, откроются, наконец, двери к родной культуре, к тому, что было в России всегда. Любят говорить: «Закон Божий попы безобразно преподавали». Конечно, такие неучи были.

И они с сарказмом описаны Чеховым, Салтыковым-Щедриным и другими писателями. А вообще наши литераторы, увы, любили позубоскалить. Об этих насмешках Солженицын выразился очень точно: «Пересмеялись». И над основами нашей жизни, и над православием.

Занимаясь древнерусским искусством, я удивлялся высокопросвещенным профессорам, которые утверждали, будто

сначала была культура, а уж потом — религия. Не выдержал я — и одному специалисту с мировым именем однажды заметил: «А вы удивите свою маму, сказав ей, что прежде были вы, а потом — она». Сначала — Бог, а потом — и Его изображения.

После того как меня стали пускать за границу, я посетил собор святого Петра в Риме и поклонился апостольской гробнице. Редких памятников искусства в соборе немного. Правда, все они сделаны из вечных материалов. Икон на досках, живописных холстов или графики вы там не найдете. Зато в соборе есть выдающееся творение человеческих рук — «Пьетта» Микеланджело. Я учился у замечательного профессора Виктора Никитича Лазарева, широко известного во всем мире. Он читал нам курсы по искусству Византии и итальянскому Возрождению. Человек темпераментный, с глубокими армянскими корнями, он восхищался творчеством Микеланджело. Свою любовь он привил и мне. Я знал наизусть многие сонеты этого великого мастера, читал его переписку. Подойдя к этой потрясшей меня своим совершенством и одухотворенностью скульптуре, я вспомнил, что создавал он ее будучи двадцати с небольшим лет от роду. Какая там мудрость или знание Божественного смысла?!.. В его письмах того периода вы не найдете ни слова об искусстве, ибо его больше волнует пармезан, присланный брату, или то, как последний распорядился отрезом на камзол, подаренный ему скульптором. И все же именно он изваял неповторимое творение.

Впоследствии, бывая в Ватикане, всякий раз я не менее часа простаивал у этого чуда. И пришел к следующему выводу: Микеланджело был великолепным орудием в руках Бога. Господь избрал этого юношу, чтобы он воплотил Его Божественный замысел. Существует легенда, что мастер, построивший в Кижях сказочный храм, забросил топор в озеро и сказал: «Не было, нет и не будет ничего подобного!». Вот и такого художника, как Микеланджело, больше никогда не будет. И когда после всего этого говорят, что не надо преподавать основы православной культуры, я хочу спросить: а что вас пугает? О какой клерикализации может идти

речь, когда рассказывают о Библии, о ее персонажах, об их значении в истории мировой культуры? Это же знания, так необходимые нам сегодня! Почему столь блистательно проявили себя русские писатели в девятнадцатом-двадцатом веках? Прежде всего, потому, что они отлично знали религиозную культуру.

Бытует мнение, будто Пушкин не поехал на Сенатскую площадь, увидев зайца, перебежавшего ему дорогу. Я в Святых Горах живу месяцами. Зайцев там, равно как и монахов, тоже принимаемых за дурную примету, больше чем достаточно. Но не в приметах дело. Пушкин мучительно переживал за своих друзей и близких, собравшихся в декабре на Сенатской площади. Не пойдя туда, он вовсе их не предал — и всю последующую жизнь был им поддержкой и опорой. Пушкинисты лгали, рассказывая, как Пушкин, вызванный императором Николаем I в Москву, заявил монарху, что был бы вместе с восставшими. Нет — он сказал совсем другие слова, свидетельствующие о его верноподданности и нежелании вместе с жестоким Пестелем вести Россию к беспощадному и кровавому бунту.

Не пришел на Сенатскую площадь и князь Трубецкой, который первоначально принимал участие в готовящемся заговоре. Говорят — струсил. Какая чушь! Он же воин из плеяды героев 1812 года! Для таких как он, слово «трусость» не существовало. Они сломали хребет самой мощной армии в Европе. В особняке, принадлежавшем отцу его жены, он в ту ночь молился и не пошел к восставшим, словно предчувствуя кровь и зная, что горе-революционеры убьют Милорадовича — его боевого соратника, бесстрашного генерала-патриота. В фильме «Звезда пленительного счастья» замечательно снят разговор Трубецкого с Николаем Первым в кабинете Зимнего Дворца. Императора блестяще сыграл замечательный актер, мой друг Василий Ливанов. Это одна из его лучших ролей. Допрашивая Трубецкого, царь не скрывает своей досады и сожаления об ошибке одного из лучших людей России: «Князь, что вы наделали? Такая фамилия! Я могу сейчас же вас уничтожить!». Но, несмотря на величайшей тяжести проступок своего подданного, ограничился ссылкой. Они были православными людьми, носителями православной культуры. Другой у нас быть не может. Мы, прежде всего, православные христиане.

Читая письмо ученых, восставших против православия, я вспомнил, как господин Гинзбург заявил о нежелании жить в России, пишущей слово Бог с большой буквы. Я хочу спросить его: «А как вы относитесь к деньгам, полученным при вручении Нобелевской премии? К зеленым купюрам, на которых слово «Бог» набрано большими буквами? Такой бог вам нравится, а православный — нет?». Не стану ссылаться на академика Павлова, на писателя Бунина — истинно православных граждан России. Хочу, чтобы господин Гинзбург внимательно перечитал труды Альберта Эйнштейна, считавшего, что без Бога не состоялось бы его открытие теории относительности. А когда физика спросили: кто оказал самое большое влияние на его научное становление, он, не задумываясь, назвал Достоевского. А уж христианина, более близкого к Богу, чем Достоевский, подлинного проповедника основ православной культуры, не следует и искать.

В лаборатории Павлова регулярно вывешивались таблички: «Закрыто по случаю Пасхи», «Закрыто по случаю праздника Рождества Христова». А когда пытаются подлинную веру опустить до уровня клерикализации, мне

хочется посоветовать академиком: «Подобные вопросы выясните с церковноначалием Русского православия». Зачем лишать нас богатств, отпущенных от Бога? Получается, что, реставрируя древнюю икону, я должен, подчиняясь тем, кто заявляет, что эта икона возникла сама по себе, оплевывать православную культуру. Это же глупость.

Я увидел по телевидению выступление одного из подписантов, глубоко уважаемого мною академика Воробьева. Какую чушь он нес, а собеседник слушал! Сплошная «в огороде бузина, а в Киеве — дядька». Блистательный врач путал православную культуру с проблемами телевизионного шоу-бизнеса. Зачем все время спрашивать: а что скажут мусульмане, буддисты и иудеи? Давайте последуем примеру православной страны Греции. Это небольшая, но многоконфессиональная страна на маленькой территории. Греция, Балканы, там средоточие всего на свете. Вопрос о преподавании основ православной культуры греки, не мудрствуя лукаво, решили так: если кто-то из представителей неправославных конфессий отказывается посещать урок по основам культуры, он может играть в это время в футбол во дворе школы или пойти домой. Но поразительно — все ходят на занятия! Всем хочется узнать побольше о неизведанной православной культуре.

Мы же в вопросах многоконфессиональности доходим иногда до самых абсурдных решений. Двадцать седьмого сентября на Псковской земле был торжественно открыт Холм Славы, который должен собрать в себе землю со всех знаковых могил Псковщины и России — от святого благоверного князя Александра Невского до юного героя Александра Матросова. Холм с воздвигнутым на нем крестом насыпан в Изборской долине, где русским воинством на протяжении столетий были отражены все нападения на Русскую землю. Летом, когда мы готовились к открытию Холма, у меня был вечер встречи с псковичами, и один шустрый журналист — из тех, кто вместе с академиками мутят воду, — буквально возопил: «На вершине холма вы ставите православный крест (точнее, копию Труворова креста — такую же, что стоит на могиле Бунина в Сен-Женевьев Дебуа — С.Я.) Как же так? У нас же многоконфессиональное государство!». Я тогда ответил ему: «Молодой человек, а не довольно ли Поклонной горы с храмами всех конфессий? В Изборске никогда не было ни одной мечети, ни одного буддийского монастыря, ни одной синагоги. Воины с православными крестами на хоругвях отражали атаки иноземцев». Ведь так можно дойти до того, что вместо Труворова креста потребуют установить крест, подобный тому, который украшал штандарты крестоносцев или мантии членов мальтийского ордена!

Меня поражает истерия Гинзбурга, неистово оплевающего православие и при этом зажигающего ханукальные свечи в синагоге вместе с Берл Лазаром!.. Кстати, главный раввин России Шаевич жил со мной до недавнего времени в одном доме в Малом Златоустинском переулке (бывшем Малом Комсомольском). Моя мать-старообрядка общалась с ним, не зная, что он раввин, и отмечала, какой он добрый человек! И именно он сказал недавно: «Мы живем в России и обязаны уважать основы православной культуры». Господину Гинзбургу я хочу посоветовать, чтобы он, черня православие и носителей его культуры, все-таки вспомнил тех, кто спас еврейскую нацию от полного уничтожения. Это были, прежде всего, православные парни. Ведь во время войны наши дивизии формировались из жителей Сибири и других областей России.

Что, все эти ребята, которых описывает Виктор Астафьев, шли на войну с комсомольскими и партийными билетами? Во многих случаях верующие бабушки и мамы зашивали им в одежду крестики, а некоторые носили их под гимнастерками. Это не помешало им освободить мир от нацизма. И если бы они не совершили этот подвиг ценою собственных жизней, то госпоже Гербер не пришлось бы бороться против холокоста, ибо ни самой мамы Гербер, ни ее сына Зельдовича, снявшего грязнейший фильм о Москве, не было бы на свете.

Величайший полководец всех времен и народов Александр Васильевич Суворов был истовым верующим, регулярно при­служивал в церкви, пел в церковном хоре. Девизом победителя были слова: «С Богом и с моими суздальскими полками я завоюю мир». И этот девиз он воплотил в жизнь, совершив фантастический переход через Альпы, когда его и смелых русских воинов вела рука Божия.

В бараках на Павелецкой набережной, где я родился и вырос (рядом жили Андрей Тарковский и знаменитый артист балета Володя Васильев, с которыми мне потом посчастливилось работать и дружить), я узнал Игоря Острецова, моего одноклассника, ставшего одним из главных ядерных разработчиков Советского Союза. Я целых пятьдесят лет не видел друга, ибо он был строго засекречен. Позвонив мне в прошлом году, он рассказал о том, как, в течение нескольких лет ликвидируя последствия Чернобыльской катастрофы, облучился и оказался один на один с онкологией. Но Бог его спас и вернул к жизни так же, как в свое время Солженицына. Первое, о чем мне рассказал Игорь, — его чудесный приход к Богу. Впервые прочитав Евангелие (а физики изначально атеистами не бывают), мой друг изучил досконально каждую его главу и математически доказал правомочность каждого

евангельского постулата. И он, в частности, сказал: «Если бы не было Бога Отца, то нельзя было бы объяснить многие законы бытия человеческого». Доказательством веры моего друга в Творца послужило то, что за шесть лет работы на синхрофазотронах Дубны и Протвина он вместе с коллегами нашел источники энергии, которые способны полностью решить проблему ее мировой нехватки. В своей замечательной книге «Философия ненасильственного развития» он постоянно подчеркивает: «Без Бога-Творца мы — ничто».

Недавно ушел из жизни блистательный ученый, академик Дмитрий Львов, экономист высочайшего класса. Незадолго до его смерти мы несколько часов говорили с ним о значимости православия в судьбах России.

И пусть Гинзбург, Алферов и остальные подписанты вспомнят о Львове и Острецове. Коммунисты, коллеги Алферова по партии, прославляют Белинского. Для них он — главное Бога. Неужели они хотят, чтобы под знаменами атеиста Белинского нами вновь правили те, кто сварганил кровавую революцию? Отказавшись от основ православной культуры, мы будем снова свергнуты в пучину безбожия, безграмотности, серости и неверия. Пушкин постоянно повторял: «Нет книги главнее Библии и молитвы более душевной, чем молитва Ефрема Сирина». Да, великий поэт в юности написал «Гаврииладу», но потом каялся за этот поступок всю жизнь.

Мне бы очень хотелось, чтобы наши славные академики, не трогая святое, написали письмо Путину и спросили его: доколе нас будут погружать в мрак шоу-бизнеса? Доколе «Дом-2» будет показывать нам штучки Ксюши Собчак или непотребную похабел эстрадных сатириков? Ведь они пострашнее «Фауста» Гёте.

<http://www.pereprava.org/>

СВЕЧА

* * *

Никогда мы не знали семейного счастья,
потому что всегда начинали с разврата.
Пожалейте мое поколение, ребята,
проявите к нему хоть немного участия.

Никогда мы не знали общения с Богом
потому, что всегда начинали с сомненья.
Пожалейте, ребята, мое поколение,
пожалейте, прошу, я прошу о немногом.

* * *

Некий беззаконный человек,
снова собираясь на разбой,
помолился — тоже мне, стратег! —
перед ликом Девы Пресвятой.

На иконе выступила кровь
и спросила Дева у него:
— Для чего ты, грешник, вновь и вновь
распинаешь Сына Моего?..

Вы зевнете, скуки не тая:
что, мораль? В наш умудренный век?..
Это я, читатель, это я —
некий беззаконный человек!

АЛЕКСАНДР ДЬЯЧКОВ

* * *

Человек — не калека, не хам,
не беспечный ездок временами,
а прекрасный божественный храм,
только он забывает о храме.

Но не буду, как делали встарь,
растекаться по древу — ну то есть:
ум — священник, а сердце — алтарь,
а святые дары — это совесть.

* * *

Жена обманет или друг,
не ровен час — родня обманет.
Шутя, поэзия поманит
и мылом выскочит из рук.

Обманешь ты. Себя. И ох
как много раз. Обманет сила,
ум, красота, народ, Россия...
И не обманет только Бог.

<http://trezvoeslovo.ru>

ВЕСТНИЧЕК

Четверо непослушных

Рассказ

Я.М.ПИНЯСОВ

Когда я был маленьким, леса у нас были погуще и медведей в них побольше. Встречались лохматые с людьми запросто. Пойдут девушки по малину, а мишка тут как тут. Они ягоды руками да в лукошко, а он лапами да в рот. Напугаются друг друга — и в разные стороны. Девушки в крик, мишка в рев. Только у него убытка меньше — ягоды в животе. А у них из лукошек все повысыпятся!

Каких только сказок у нас про косолапых не рассказывали! А вот со мной такое приключилось, рассказать — не поверят!

Жили мы с сестренкой Надей в лесной сторожке, в Темниковском бору. Отец у нас лесником был. Лес караулил. Сядет утречком на коня и до вечера по просекам ездит, досматривает. Нет ли где пожара, нет ли злой порубки.

А мама по дому прибирается, хозяйство ведет. Однажды пошла в деревню сольцы призанять, достать спичек и строго-настрого наказала:

— Сидите, детки, дома, с кошкой играйте, далеко никуда не отходите. Не ровен час, заблудитесь. Комары заедят, болота затынут.

А я озорной был. Как только чего нельзя — так меня и тянет через нельзя перепрыгнуть. Не успела мать отойти, как я тут же хватя сестренку за руку и пошел в лес. От дерева к дереву, через пенек да на кочку, посмотреть, что в лесу делается, когда никого дома нет.

Там ягода земляника приманит, там птичка от своего гнездышка поведет. Так зашли мы далеко и вышли на берег ручья. Слышим, там кто-то плещется.

Пригляделись — два медвежонка. Шлепают лапами по воде, брызгаются. Такие веселье мальши! Ростом меньше сестренки.

Ну, мы к ним — обрадовались товарищам и давай играть.

То на песке вместе покувыркаемся, то в ручье побрызгаемся. Они нас запросто в игру приняли. И не спросили, чьи, откуда. Видят, маленькие, значит, друзья. И так весело было играть! Только мы-то их ничего, а они нас шибко испарпали. Не со зла, конечно, нечаянно. Нам мама ногти стригла, а ихней ножниц, поди, не было. Вот и царапались. И визжали мы от удовольствия на весь лес.

Заигрались, и вдруг через кусты — их мама. Большая такая, как наш отец в зимнем тулупе. Мы

не испугались, нас ведь никто из больших никогда не трогал. А медвежата струсили... Ушки прижали, сами съежились. Видно, крепче нас материнский наказ помнили — не озорничать. Заворчала медведица. Подошла, обнюхала нас с головы до ног. Знать, не понравились мы ей, своевольники. Как фыркнет да как наподдаст своим медвежатам! Одному шлепка, другому шлепка. Заскулили они и покатались в лес. Как два клубочка. Наверное, к своему дому.

Шагнула за ними медведица. Потом остановилась. Посмотрела на нас, пофыркала. Подошла снова и как наподдаст шлепка и мне и сестренке!

Ой, да как больно! Заревели мы и тоже бежать. Медвежата в одну сторону, а мы в другую.

Прибежали домой, ревом:

— Ой, мама, нас чужая тетенька побила!

Мать только что вернулась, хватилась нас, а мы вот они, с плачем к ней бежим.

— Какая вас тетенька обидела?

— Большая, лохматая, летом в шубе!

Тут наша мама где стояла, там и села. Ноженьки подкосились, А когда рассказали мы ей все толком, вытерла она слезы рукавом и говорит:

— Добрая это была тетенька, а не злая. И своих, и чужих детей правильно поучила! Будете теперь старших слушаться.

РЕКА ВРЕМЕН

Г егодня почтовая открытка, как средство коммуникации, практически исчезла из обращения. Но вряд ли «смс», «ммс» способны передать ту душевную интонацию, которая имела открытка.

Над почтовыми карточками работали лучшие художники своего времени. Например, великий русский иллюстратор Иван Яковлевич Билибин создал несколько серий открыток. Особняком здесь, конечно, стоят карточки, посвященные Русскому Северу.

Здесь открытка выходила за границы средства коммуникации. С иллюстрациями Билибина она становилась причастием к Русскому Северу, Древнерусской традиции, Русскому Духу...

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 21.11.13. Выход по графику 26.10.13

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.